

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПУТИ СЕМЕЙНОГО КОНСУЛЬТАНТА, ИЛИ СОН О ТРЕХ ПРЕВРАЩЕНИЯХ ДУХА

Ф.Ц. МУСАЕВА, Н.Ю. ФЕДУНИНА

В эссе представлено размышление о профессиональном пути семейного консультанта, опирающееся на представление о трех превращениях духа Ф. Ницше. Рассмотрены три «ипостаси» развития профессионального самосознания — «верблюд», «лев» и «ребенок».

Ключевые слова: семейное консультирование, профессиональное самосознание, Ницше.

Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев.

Ницше «Так говорил Заратустра»

Вместо предисловия

Все началось с одного сна, приснившегося впервые, когда мне было лет 5—7, а в последний раз где-то после сорока. Я в «Детском мире», вокруг много игрушек — все игрушки, о которых только можно мечтать — и я раскачиваюсь на лошадке, и это счастье и радость. В моем детстве это была нереальная мечта. Сон был цветной, яркий, реальный. Как говорил Юнг: «Отдельно стоит рассмотреть повторяющиеся сны. Были случаи, когда один и тот же сон снился человеку с детства и до зрелых лет. Это явление обычно означает попытку исправить конкретный дефект в мировоззрении спящего... Бывает, они указывают на какое-то важное событие в будущем» [Юнг, 1998].

На следующий день мы возвращались с коллегой с консультации, размышляя об очередной «трудной» семье, я вспомнила этот сон и рассказала коллеге. А потом вдруг поняла, что уже второй год все наши консультации в Центре проходят в игровой комнате, заполненной разными играми и игрушками, по большей части игнорируемыми в нашей

работе с семьями. Я сижу на стуле, я статична. Родители с детьми столь же статично располагаются напротив. Атмосфера серьезности и тяжести проблемной ситуации витает над игровой комнатой. А игра оказывается где-то далеко, за непреодолимыми пределами статики и привязанности к стулу, к чужому опыту, авторитету, знаниям. И я задумалась о том пути, который прошла, и о том, который еще предстоит на стезе семейного консультирования.

Первое превращение. Верблюд.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.

Что есть тяжесть? — вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его. Что есть трудное? — так вопрошает выносливый дух; скажите, герои, чтобы взял я это на себя и радовался силе своей. Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню.

Ницше «Так говорил Заратустра»

Верблюд, — подумала я, — самое привычное мое состояние. Тяжелые семьи, сложные случаи — в какой-то момент они заполняют, переполняют, захлестывают. И, кажется, ничего не остается, кроме как нести это, сколько сможешь. Если бы не опыт собственной терапии, интервью и супервизий, я бы, несомненно, довольно быстро оказалась придавленной к земле тяжестью этой ноши, когда постепенно перестанешь что-либо замечать и только тащишь груз. К этой ипостаси ближе всего оказывается многократно описанный применительно к помогающим практикам феномен эмоционального сгорания. Работа кажется особенно трудной в рамках государственного Центра, когда к консультантам попадают не мотивированные на работу семьи. Половина семей уходит после одной-трех консультаций. Нередки случаи неявок и отмен. В какой-то момент кажется, что все напрасно, «все будет так, исхода нет». Груз все копится и копится, и навьюченный идешь, не разбирая пути. Происходит своего рода сдвиг мотива на цель (само выполнение отдельной операции становится самоцелью и самоценностью), когда все внимание оказывается прикованным к нетвердому шагу, гордо держащегося, но изнемогающего под ношей. Все слабее светят и греют конечные ценности. Главное — не дойти, главное — идти.

Я — Верблюд, который несет на себе груз непереносимого, невыносимого, непонятного и непонятого, не пережитого и отрицаемого, вбирает в себя тяжесть и тревогу семьи и несет это все терпеливо, упорно, с верой, что так надо во имя и ради... Ведь, как говорил Диоген, «даже самый паршивый верблюд, кажущийся бессильным, сможет унести выюки от многих ослов». Интересно, что верблюд играет в символике двоякую роль. Он служил знаком сцистственности и величия, однако из-за своей «физиономии» зачастую считается символом высокомерия, надменности и своенравия. Верблюд — это выносливость, стойкость, согласие со своей судьбой, и вместе с тем — тяжелая работа, изнурительный труд. Однако верблюд обладает способностью принимать только посильную ношу, благодаря чему в средневековье он был символом умения различать. Кроме того, он способен «покорно» опускаться на колени и безропотно нести тяжелую поклажу: в кафедральном соборе Амьена есть изображение коленапреклоненного верблюда, полностью отдавшего себя на волю Божью. Св. Августин рассматривал его как высшее воплощение умеренности и трезвости и сделал символом Христа, смиренно несущего свое бремя.

Верблюд на моей консультативной стезе предстает как символ и смирения перед тяжестью труда, и всемогущества. «Я сильная, я вынесу то, что корежит вас и ломает». Верблюд несет бремя, берет за ношу, которую готов нести вместе с семьей, вынашивает надежду и исцеление, ищет вместе с семьей путь к живительному источнику.

Превращение второе. Лев.

Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне... Чешуйчатый зверь «ты должен», искрясь золотыми искрами, лежит ему на дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, «ты должен!». Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит сильнейший из всех драконов: «Ценности всех вещей блестят на мне». Создавать новые ценности — этого не может еще лев; но создать себе свободу для нового созидания — это может сила льва. Завоевать себе свободу и священное Нет даже перед долгом — для этого, братья мои, нужно стать львом...

Ницше «Так говорил Заратустра»

Верблюды шагают через пустыню караваном, мерно переступая в связке по бесконечным пескам. Такой же вереницей следует и череда

консультантов — они идут по пути вслед за ведущим, за учителем, за гуру, сформулировавшим основные смысловые вехи пути. Интроецированные ценности и нормы, представления о процессе, пока еще не выношены, пока не интериоризированы — они не отринуты или не переосмыслены. Чтобы отринуть «очевидное» и «основополагающее» консультант должен стать Львом.

Я много размышляла о ценностях консультанта, о тех смыслах, целях и принципах, которые во многом оформляют, структурируют и организуют его работу. Одна из них — долженствование, груз призвания, миссии. «Ты должен помочь, а иначе какой ты психолог». Долженствование, исходящее от целей организации и собственных представлений, во многом определяет цели и ход консультативного процесса. Достижение свободы от этого долженствования открывает возможность увидеть реальность конкретной семьи, с теми задачами, которые реально выполнить. Искушение долгом — его проходишь прежде, чем удастся увидеть и окунуться в реальную работу с реальной семьей.

И Верблюд, и Лев много берут на себя, их много, они больше заняты собой: что вижу, понимаю, чувствую, делаю я, как семейный консультант. На определенном этапе консультирования это важно и нужно. Карл Витакер говорил, что человек не становится врачом без некоторого чувства «всемогущества», потому что врач в определенной ситуации должен брать под свой контроль вопрос жизни и смерти [Нейпир, Витакер, 2005].

Превращение третье. Ребенок.

Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком? Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения. Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения: своей воли хочет теперь дух, свой мир находит потерявший мир.

Нищие «Так говорил Заратустра»

К третьей ипостаси — ребенка — можно отнести и изменение общего представления о семье и ее динамике, возрастание веры в нее, упования на ее собственные силы и позитивные процессы, которые не может порой даже ожидать консультант. Ребенок растет и меняется так стремительно, в нем столько живительной силы, столько импульсов к жизни и преодолению всех сложностей и перипетий, так динамичны все

системы, что это вызывает восхищение и удивление. Согласно Юнгу, «существенным аспектом мотива ребенка является его характер будущности. ... Ведь жизнь — это исхождение, это поток, текущий в будущее, а не откатывающаяся назад запруда. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мифические носители исцеления столь часто являются детьми богов». «Ребенок» представляет собой сильнейший и неизбежный порыв всякого существа, а именно порыв к самоосуществлению» [Юнг, 2007].

Есть в опыте работы с семьями редкие удачи: спонтанность, свобода, вдохновение, ощущение легкости, игры, естественности происходящего, контакт и понимание с семьей, с котерапевтом, с собой. Эти консультации оставляют ощущение удовлетворенности, нет внутреннего раздора и разъедающей внутренней критики. Уважение и благодарность за проделанную работу к семье, котерапевту, доверие себе, вера в семью.

Консультант в контакте с внутренним ребенком вдруг находит в себе неведомое или недоваемое доселе внутреннее пространство, где возможно все, где в общении с другим, в соприкосновении с теплотой человеческой жизни переживается пик до-верия к происходящему, а также пик до-верия к себе, по определению ребенка, не рациональному, не логичному — не знающему, но ведающему каким-то другим знанием, самой жизнью. Саймон Тагуэлл пишет, что «дети близки к Богу не потому, что они безгрешны, а потому, что они беспомощны. Они ничего не могут «сделать», и, в отличие от богача, ничего не «заслужили». Что бы они ни получили, это подарок, дар» [Тагуэлл, 2013].

Как ребенок позволяет жизни твориться, так и консультант не испытывает больше львиной потребности контроля, управления, планирования и требования соответствия. В отличие от льва, царя зверей, ребенок мал и беспомощен, он не может быть и претендовать быть «хозяином и господином своей пустыни». Он позволяет жизни быть, он не знает, что она может быть другой, она для него единственная. Это позволение рождает игру.

*«Это было как раз тогда, когда Великий Маг творил Мир.
Сначала он сотворил Землю, потом он сотворил Море, потом он созвал всех животных и велел им играть. И животные сказали:
— О Великий Маг, во что нас играть?
И он сказал:
— Я покажу вам.*

Он взял слона — Дедушку всех слонов на свете — и сказал:

— Играй, как будто ты слон.

И Дедушка всех слонов стал играть.

Он взял бобра — Дедушку всех бобров на свете — и сказал:

— Играй, как будто ты бобер.

И Дедушка всех бобров стал играть. ...

Одного за другим он перебрал всех зверей, птиц и рыб и каждому дал игру»

Киплинг «Краб, который играл с морем»

Игра в семейном консультировании — это, под стать ницшеанской метафорике, не просто оперирование игрушками в игровой комнате. Она взывает в ее участниках к глубинам, в которых живы дедушки и бабушки всех слонов, бобров и других существ, где у каждого — своя игра и игра каждого — дарование и дар. «Ребенок» в работе — это возможность со-творчества на консультации, со-творения, со-трудничества. Через игру, воображение возвращение к целительному внутреннему источнику семьи в целом, каждого члена семьи, как ребенка, так и взрослого, и к себе самому, чтобы семья могла увидеть и соприкоснуться с «глубиной своей боли и необъятностью силы» [Нейпир и Витакер, 2005], чтобы найти в себе силы чувствовать себя по-другому, стать другими.

Вместо заключения

Сны заканчиваются пробуждением. Завершился и этот сон, в котором путь от одного превращения духа к другому уже был обозрим и символически задан. Пробуждение настигло меня на привычной дороге. Существо, несущее два свои горба, терпеливо и выносливо продолжало свой трудный путь.

ЛИТЕРАТУРА

Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах, том 2, «Так говорил Заратустра» издательство «Мысль», Москва 1990.

Нейпир О., Витакер К. Семья в кризисе. Когито-центр. Москва, 2005. С. 221.

Тагуэлл С. Беседы о блаженствах / пер. с англ. Н.Л. Трауберг. — Нижний Новгород: ООО Издательство «Христианская библиотека», 2013.

Энциклопедия символики и геральдики. Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/> (02.09.2013)

Юнг Карл Густав. Человек и его символы. М. Серебряные нити, 1998 г.

Юнг К.Г. Структура психики и архетипы / М.: Академический проект, 2007, — 303 с.

REFLECTIONS ON THE DEVELOPMENT OF A FAMILY COUNSELOR, OR A DREAM ABOUT THREE TRANSFORMATIONS OF THE SPIRIT

F.TS. MUSAEVA, N.YU. FEDUNINA

The essay represents reflections on the professional self-consciousness of a family counselor. We base on Nietzsche's metaphor of three transformations of the spirit: "camel", "lion", and "child".

Keywords: family counseling, professional self-consciousness, Nietzsche.

Nitsche F. sochineniya v 2-kh tomakh, tom 2, «Tak govoril Zaratustra» izdatel'stvo "Mysl", Moskva 1990.

Nejpir O., Vitaker K. Sem'ya v krizise. Kogito-tsentr. Moskva, 2005. St. 221.

Taguehll S. Besedy o blazhenstvakh / per. s angl. N.L. Trauberg. – Nizhnij Novgorod: OOO Izdatel'stvo «KHristianskaya biblioteka», 2013.

Ehntsiklopediya simboliki i geral'diki. Rezhim dostupa: <http://www.symbolarium.ru/> (02.09.2013)

Yung Karl Gustav. Chelovek i ego simvolyy. M. Serebryanye niti, 1998 g.

Yung K.G. Struktura psikhiki i arkhetypy / M.: Akademicheskij proekt, 2007, — 303 s.